

Г. Ю. Касим,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и
славянского языкознания ОНУ
имени И. И. Мечникова

Э. Э. Минкевич,
ст. преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
ОНУ имени И. И. Мечникова

VENI, VIDI, VICI

К.: Как назовем? *Veni, vidi, vici!* Или *Победитель*?

М.: Давай *Veni, vidi, vici*. И будем задавать друг другу вопросы об Аделаиде Константиновне, так легче будет вспомнить.

К.: Ты когда с ней познакомилась?

М.: В шестьдесят восьмом. В начале ноября. Нас на втором курсе распределили по группам для изучения славянских языков. Мы попали в группу Николая Владимировича Павлюка и начали изучать польский. И

вдруг однажды нам объявляют, что мы не будем изучать польский. Будем изучать другой язык, сербскохорватский. Так это тогда называли. Ну конечно, у всех шок. Заходим в аудиторию, физиономии недовольные: кому это понравится? Тем более что у меня были польские корни, и я хотела знать именно польский язык. А тут уводят на какой-то сербский. И в этот момент входит в аудиторию Аделаида Константиновна. Так бодро, как всегда она входила.

К.: Это же она совсем молодая была?

М.: 1968 год минус 1927, год ее рождения, - сорок один год. И говорит мягко так и ласково: „Вы послушайте, не понравится - уйдете никого не заставляю". И - все, уже никто никуда не идет. Мы были пленены ею? Очарованы?

К.: Чем?

М.: Не знаю. Может, тот интерес, с которым она говорила о стране, откуда только-только приехала? Эмоции? Напор этих эмоций? В общем, пришел, увидел, победил. Победила. И так на всю жизнь сербский остался со мной.

К.: Каким она была преподавателем?

М.: Очень интересным. Причем не давила на нас.

К.: Трудно поверить.

М.: Нет, не давила. Наверное, потому что мы были ее первыми студентами-сербистами, раньше она сербский не преподавала. И еще, наверное, ей самой было интересно говорить о стране, язык которой мы начали изучать. У нас уже на втором курсе начались сербские вечера. Посиделки, можно сказать. Камерные, неофициальные. А уже потом они перешли в славянские вечера. Международные и многолюдные.

И она нас привела в „Спутник” в конце учебного года. На курсы экскурсоводов. Мы часто проводили экскурсии по городу, а потом и работали внештатниками.

К.: И ты работала?

М.: И я. Правда, в Одессе, далеко не ездили. Разве что в Новгороде была с сербами.

А. К. у нас после сербского ничего не вела, до 5 курса. А на пятом читала нам спецкурс. Кажется, по сравнительной грамматике славянских языков. Помнишь, мы тогда каждый год писали курсовые на разных кафедрах. Я писала сначала у Елены Ивановны Розановой - о театральной эстетике Гоголя. Потом у Валентины Александровны Поповой („Отрицание в славянских языках”). С Натальей Викторовной Коссек „Вероятностно-статистические методы в лингвистике”. Тогда это модно было Ну и Андрей Владимирович Недзведский - что-то связанное с французской литературой. „Традиции французской литературы в русской и украинской литературе 19 в.”. Потом, когда я ушла к А. К. на диплом, Андрей Владимирович обзывал меня ренегаткой. Шутя, конечно.

К.: А как получилось, что ты попала в дипломницы к А. К.?

М.: На специализации А. К. дала нам свои темы. Ну, мы почитали. И она спрашивает: кто что выбрал? Я ответила, что еще не определилась не знаю. И в ответ - категоричное: „Как это вы не знаете? Будете писать по сербскому языку”. И все. И я писала. Тема: „Семантические расхождения слов романского происхождения в русском и сербскохорватском языках”. Моя мама, гуманитарий, но не филолог, говорила: „Я твою тему учу как стихотворение”.

К.: Да, ритмика есть, и рифма тоже. Помню, ты рассказывала, что во время работы над дипломной приезжала к А. К. в Москву, где она была на повышении квалификации (ФПК).

М.: Да, почти месяц я тогда провела в Москве, общалась с А. К. - и по поводу диплома, и по совсем другим поводам. И я тогда работала в Ленинке с различными словарями, которых в Одессе не было.

К.: Ну да, доинтернетовская эпоха, уже трудно поверить, что так было.

М.: Мы вместе с А. К. ездили на экскурсии (она меня брала в Спасское-Лутовиново, в Ясную Поляну), ходили в театры. Там же я познакомилась с ее сестрой Валентиной (к сожалению, рано ушедшей). Вообще А. К. была семейным человеком. Своих дипломников она воспринимала как детей, опекала их, защищала. С пеной у рта защищала. И брат Валерий, и племянник Костя, и, конечно, мама — это все были люди, ради которых она и жила. Преданность ее была безгранична.

И вообще она была максималистом в отношениях: если любила-то до конца. Если уж кого-то невзлюбила - то... Словом, если нет, то уж нет.

Натура у нее была артистичная. Пожалуй, она нас тогда этим взяла, когда после польского - на сербский перетащила. Интонация, улыбка обаятельная. И факты какие-то интересные умела раскопать и заинтересовать ими. Ты следил за нею, подчинялся ее воле и обаянию. И слушал, открыв рот, то, что она говорила.

К.: Ты с мамой А. К. общалась, какая она была?

М.: Можно сказать, с сильным характером. Который, наверное, унаследовала и А. К. Притом Анна Антоновна была очень интеллигентным, образованным человеком. Почему-то у нас считается, что сила характера

и интеллигентность - понятия несовместимые. А они как раз совместимые, тут разные аспекты души работают. Я знала женщину, которая, пройдя гулаги и лесоповалы, сохранила интеллигентность - не манеры, а душу. Мы ходили с А. К. к ее маме на Розы Люксембург, сейчас Бунина.

К.: А почему она тебя брала?

М. (*задумывается*): Не знаю. Я была ее дипломницей. И мы стали ближе, когда я вместе с ней в Москве побывала.

Позже, уже работая на кафедре, после деревни (распределение, учительница русского языка, 4-8 классы - село Новоградовка Овидиопольского р-на) и сектора математической лингвистики (это уже филфак: Н. В. Коссек и Т. А. Тулина руководили там хозяйкой, а я, как ты помнишь, у Коссек курсовую писала когда-то)... Итак, в 1975 году я пришла на кафедру общего и славянского языкознания. И вновь начались наши контакты с А. К. У нее я училась вести занятия по сербскому, старославянскому, училась общению со студентами. Организаторским навыкам училась: она нас умела напрячь и направить в нужную сторону при подготовке традиционных славянских вечеров.

К.: А еще чему она тебя научила? Или чему ты у нее сумела научиться?

М.: Уважению к учебному заведению, где мы работали, преданности Одесскому университету. Она очень трепетно относилась к тому, что работает именно здесь. В Сербии ее очень уважали и всегда рады были встречам с ней - и в Белградском, и в Новосадском университетах. Я наблюдала это, когда мы однажды попали вместе с А. К. на Буковские чтения в Сербию. Вне университета она была совершенно другим человеком - компанейским. Вокруг нее и здесь все крутилось: уже не организатор, как на работе, а душа компании. Она была интересна всем. Никогда не было у нее снобизма, высокомерия, никогда не старалась она привлечь к себе внимание (мол, я профессор, а вы нет). Демократизм проявлялся в ее общении с людьми разного возраста.

Мы еще раз встретились с А. К. в Москве: я была на ФПК, а она писала докторскую. Четыре месяца в 1983 г. Она узнавала, какие лекции читают нам, и приходила на те, что ей были интересны. Она меня привела на лекцию Михаила Викторовича Панова: „Идемте, идемте, Панов лекцию читает, интересно будет“. Аудитория была переполнена, мы с А. К. простояли все полтора часа где-то в уголочке.

К.: А о чем была лекция?

М. О фонетике. О колористике звуков. Панов показался мне уже совсем пожилым, хотя ему было 63 года. Может, сейчас я бы не назвала его старичком, а тогда... И с Никитой Ильичом Толстым мы с ней встречались. А.

К. меня к нему повела, это было связано с написанием моей дипломной. Она задавала ему вопросы о словах, которые не зафиксированы были в его словаре, а мне попались. И он говорил, где можно их поискать - в диалектных словарях, еще где-то. Естественно, общалась с Никитой Ильичом А. К., а я была при ней и молчала.

К.: Она выпасала своих дипломников.

М.: Еще как! Дипломники, диссертанты - она им отдавала все силы. А. К. была безоговорочным авторитетом. И в Сербии, и в нашей тогдашней стране. Как дериватолог, как ученый, как коллега.

Помнится, она нас с тобой притащила на какую-то конференцию в Москве. Мы тогда поехали поработать в московских архивах (Военно-исторический), поискать старые карты для топонимических исследований. И А. К. повела нас на конференцию то ли по словообразованию, то ли по лексикологии. Но она нас повела не потому что выступала с докладом (ее доклада мы как раз и не слышали), а чтобы мы послушали других. Помню, выступили Р. М. Цейтлин, В. П. Гудков. Т. е. скорее всего это была славистическая конференция. Она всегда старалась привлечь нас, молодых коллег, к высокой науке.

К. Звучит пафосно, но так и было.

М.: Я часто вспоминаю, как она говорила младшим коллегам: „Вы же такая умница, почему бы вам не сесть за докторскую? Не поехать на конференцию? Не замыкайтесь только в семейных проблемах. Я понимаю, дети - это очень важно, но наука...“

Пытаюсь вспомнить ее любимые слова, самые частотные. И только одно помню: *Деточка*. Произносилось с разной интонацией - и как поощрение, ласково, и с осуждением. Начиналось обычно одинаково: *Ну, деточка... Ну-ка, деточка, тетрадочку закрыли!* (на контрольной, когда кто-то пытался подсмотреть). *Давайте, деточка, подумайте, не торопитесь* (тоже студентке, но уже поощрительно).

А у тебя какие воспоминания?

К.: Студенткой ходила к ней на спецкурс на четвертом курсе. Значит, семидесятый. А. К. читала о методах современной лингвистики. Безумно интересно было, иногда непонятно, но интересно. Как она с нами общалась? Вот не помню, только помню, что говорила об интересных и неизвестных мне вещах: имена, понятия...

М.: А когда ты уже пришла работать на кафедру?

К.: Я лаборанткой начинала. Помню А. К. молодой, курточку замшевую помню.

М.: Тоже помню, рыженькая такая.

К.: Из Югославии привезенная, под цвет волос.

М.: А организаторские способности ее проявлялись?

К.: Да, и очень ярко. Что-то мне нужно сделать было лаборантское уж и не помню, что именно. Я тыкалась-мыкалась, все получалось как-то медленно и неуклюже. И А. К., понаблюдав за мной, сказала: „Так, давайте сначала сделайте вот то, а потом это, а потом...” - и так расписала последовательность действий, что оставалось только тупо последовать ее советам, и все тут же у меня получилось. Четкость мышления четкость действий - и на уровне погружения в языковой материал, и в повседневной работе.

М.: Только не в домашней. Помнишь, мы ей подарили электрочайник на день рождения? Это редкость была по тем временам. И как-то в разговоре она обмолвилась, что кипятит воду в ковшике. Мы: „А чайник?” Ответ: „В него же надо было налить воды”. Т. е. воду она не налила, чайник сгорел. Домашняя повседневность ее не увлекала. Интересней было почитать новую статью. По всей квартире были разложены журналы, книги с закладками. Важнее для нее были эти материалы, а не вылизанная квартира. И часто А. К. жаловалась, что, несмотря на закладки, на разложенные вроде бы в необходимом порядке книги, не сразу может найти нужную информацию. „Вот знаю, что тут где-то, а где?” Но, задав этот вопрос, тут же находила нужное место. А советы профессиональные она тебе давала?

К.: Очень редко. И неожиданно. Как-то я читала спецкурс, а А. К. сидела на кафедре, чего-то дожидаясь. Я не отреагировала на ее присутствие, не смущалась и не боялась. Нормальная ситуация для преподавателя: когда читаешь лекцию, очень быстро забываешь о том, что коллеги тебя слушают, а не только студенты. И вдруг после пары она говорит. „Интересно вы читали, только правильно говорить *верба*, а не *верба*. И тут же озвучила причину: „Это у вас влияние украинского языка”. Ну я, конечно, сразу же вспомнила Фета (*Уж верба вся пушистая/ Раскинулась кругом*) и устыдилась, что так опростоволосилась. Видишь, насколько А. К. была доброжелательна: чтобы не обидеть, тут же нашла смягчающие обстоятельства.

М.: Да, она очень чутко реагировала на языковые оплошности, и не только в своем окружении, но и в речи дикторов. И поэтому ей очень нравилась московский диктор Сорокина за правильность речи и ударений.

Преданность работе в какой-то мере помешала ей обратить внимание на свое здоровье. После первого инфаркта, когда мы пришли к ней в палату, она не жаловалась на условия, на болезнь и боль, а только сожалела о том, что оставила студентов перед самой сессией. Мы не сразу поняли, почему она сказала: „Я рада вас видеть, но не надо приходить ко мне в больницу”- И только выйдя на улицу, сообразили, что сила характера не позволяла ей выглядеть слабой и беззащитной.

К сожалению, через год она ушла от нас - болезнь настигла ее на рабочем месте, на кафедре, на которую она уже не вернулась.

К.: И все же она прошла по жизни - победительницей. Не в том смысле, что расталкивала других локтями. А в том, что шла всегда с гордо поднятой головой и обладала харизматичностью лидера, за которым хочется следовать.